

# И ЧТО ПОЛОЖЕНО КОМУ ...

## ТЕАТР

Гастроли Государственного русского драматического театра БССР имени М. Горького в Таллине начались спектаклем «А зори здесь тихие...».

То ли современная проза по своей природе драматургична и сценична, то ли современный театр владеет волшебством преобразования жайров — не знаю, что играет большую роль, хочу лишь заметить, что ныне многие обратившие на себя внимание повести находят путь на сцену.

Инсценировка, когда она профессиональна и талантлива, вопреки широко распространенному мнению, не только не обедняет наше представление о произведении, но и дает возможность постичь глубже и пережить сильнее некоторые его грани, характеры и события. С другой стороны, такая инсценировка позволяет обогатить и само сценическое искусство, поскольку сопротивление необычного материала всегда требует поисков, новых непривычных средств выражения авторской мысли.

Инсценировка известной повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...», созданная и поставленная заслуженным артистом РСФСР Ю. Любимовым и Б. Глаголиным, мне кажется, принадлежит к числу таких литературных и театральных удач. Я подчеркиваю «созданная и поставленная», ибо в данном случае это понятие неразделимы: драматургия инсценировки рассчитана на определенное сценическое решение и в этом (скажем, традиционном) решении может просто не состояться как зрелище.

Мне не довелось познакомиться с этим спектаклем в Московском театре драмы и Таганке, руководимом Любимовым, где инсценировка была осуществлена впервые. Я впервые увидел «А зори здесь тихие...» в постановке Ю. Любимова и Б. Глаголина на гастрольном спектакле Государственного русского драматического театра БССР. Не имея возможности сравнить, хочу сказать сразу, что впечатление от спектакля было огромное —

нравственное и эстетическое в равной мере.

В спектакле все условно. Здесь кузов грузовика легко превращается, разбираясь и собираясь, то в лес, то в сарай, то в болотную топь, то в баню... Здесь нет имитации подлинных пространственных взаимоотношений, отдаление врагов друг от друга может быть показано так: фашисты и наши герои поочередно появляются из-за ствола дерева. Здесь нет строгой временной последовательности, и даже смерть не уволит со сцены действующих лиц. Нет, все это не вычурность, не формальные ухищрения, а лишь необходимые условия «игры» — символы, заменяющие вещи для того, чтобы, не отвлекаясь на соревнование с подлинной реальностью, без помех и сомнений вести действие вперед.

От зрителя требуется известная подготовленность, чтобы не оторопел, не увидев стремления к похожести, к известной формуле «как в жизни». От артиста требуется не менее чистой детской непосредственности, чтобы не стесняться веры в игру.

В спектакле все условно, кроме главного: характеров героев, их чувств и взаимоотношений. В этой области любая игра была бы уже не условностью, а фальшью, с искусством несовместимой.

...Весна 1942-го. События начинаются, может быть, и неподалеку от фронта, но вне фронтовых опасностей, в тихой деревушке. Командант ее старшина Васков страдает от того, что в его подчинении находится взвод девушек-зенитчиц, с которыми он не знает, как справиться.

Начало спектакля окрашено юмором. И, кажется, ничто не сулит трагедии... Я не буду пересказывать фабулу инсценировки. Скажу лишь о том, без чего невозможно оценивать спектакль, ни актерское исполнение: война заставляет старшину Васкова и пятерых девушек вступить в неравный бой с фашистами. Девушки, все пятеро, одна за другой, гибнут.

Бой показан в спектакле без натуралистических подробностей... Гибель каждой из девушек — как последняя песня, чистая и героическая. Высокая романтика без идеализации, рядовая жизнь советского молодого человека, поднимаясь к трагическим вершинам, — именно это главное в спектакле.

Буду говорить о тех исполнителях ролей, которых видел на спектакле 3 июля, — все они врезались в память: красивая, смелая, яркая, насмешливая, неунывающая, чем-то напоминающая Фадеевскую Любку Шенцову Женья Комелькова в исполнении артистки Л. Былинской; сдержанная, глубоко упрямая, полная внутренней силы Рита Осенина — заслуженная артистка БССР Б. Масумян; тихая книжница, поклонница Блока, длинная, нескладная, близорукая Соня Гурвич — Ж. Ермольникова; простенькая мечтательница, подкидыш Галя Четвертак — Э. Овчинникова; воспаленная в глуши, открывшая по-крестьянски, тоскующая Лиза Бричкина — А. Гаввазова. Самым трудным для актрис было преодоление патетики — в спектакле все они театрально достоверны и жизненно правдивы.

Главная и труднейшая роль в спектакле — роль старшины Васкова. Артист Ю. Ступаков создает характер цельный и сильный. Имеющий четырехклассное образование, добрый десяток лет прослуживший, чтобы дотянуться до старинного званья, Васков Ю. Ступакова, конечно же, «военная кочка» и правды всего не знает, кажется. Устав, Легко было поддаться соблазну сыграть этакое сугубо военного командира, который жидет

одним лишь чувством долга, подавляя в себе все, что не к делу, стыдясь любой человеческой слабости. Ю. Ступаков, однако, сумел в каждом действии своем, в каждой реплике, движении, изменении облика передать нечто большее — всю трудную судьбу крестьянского сына, пропавшего через жизнь и любовь к земле своей, и особое уважение к женщине, чье высшее предназначение — быть матерью, и понимание того, что неизбежная жестокость войны не вправе выгнать человечность из сердца. Весь облик Васкова как бы озаряется изнутри истинной духовностью — чистой возвышенностью чувств.

Несколько слабей других сцен в спектакле сцены воспоминаний. Они иллюстративны, им не хватает органичности, то ли оттого, что они играют слишком реалистично, то ли оттого, что в них как-то теряется выверенный ритм и настроение спектакля. Впрочем, возможно, это были только издержки первого спектакля.

Огромное, поистине потрясающее впечатление производит финал спектакля. Это одна из тех режиссерских находок, которые превращают спектакль в событие, памятное долго каждому зрителю. Героини (они уже все убиты) стоят, прислонившись спинами к деревьям. И вдруг начинают звучать вальсы. Да, это тот самый фронтовой вальс: «С берез слышен, несомненно слышен желтый лист...» И кружатся деревья с погибшими в бою девушками. И кружатся деревья осиротевшие, уже без них. И я вижу, как мои соседи по ряду смахивают слезы, а сам повторяю про себя: «И что положено кому, пусть каждый совершит».

Григорий СКУЛЬСКИЙ.